

ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ ЕГОРОВ

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ПОЛЬСКИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ГОВОР В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ И В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ РФ

1. Введение

В статье рассматриваются важнейшие – до сих пор недостаточно изученные – аспекты фонетики и морфологии польского переселенческого говора, бытующего в Южной Сибири, в населенных пунктах Знаменка Богградского района Республики Хакасия и Александровка Краснотуранского района Красноярского края Российской Федерации. Этот островной говор существует здесь уже более ста лет, однако предметом научного исследования он стал совсем недавно. Первый опыт его описания, прежде всего с точки зрения фонетики, представлен в диссертации Эугениуша Ступиньского с несколько неточным названием *Polszczyzna okolic Krasnojarska*, защищенной в 2009 г. в Лодзи, и в двух предваряющих ее статьях (Stupiński 2008), (Stupiński 2009). Более полный по сравнению с привлекаемым этим автором материал удалось собрать в 2013 г. в ходе совместной экспедиции учащихся и преподавателей московского «Лицея на Донской», Российского государственного гуманитарного университета и Остравского университета (Чешская Республика). По итогам экспедиции ее участниками уже были опубликованы три работы: (Егоров 2013), (Попова 2013), (Skogwid 2015); ряд других публикаций готовится к изданию.

Большинство носителей польского идиома в Знаменке и Александровке называют себя «мазурами», с одной стороны, противопоставляя себя полякам, а с другой – не отделяя себя полностью от польского этноса. Их рефлексии на тему национальной идентичности характеризуют высказывания типа *mazur'i m'i / n'e čiste polak'i*. Свой идиом они называют «мазурским» (языком), но с некоторыми оговорками также «польским»; определяя же, как именно они говорят, прибегают к выражениям «по-нашему» и «по-своему»: *m'i z tamo po svojemu / po svojej mov'e gadam'i*.

В устных нарративах современных жителей Знаменки и Александровки сохраняются только смутные воспоминания о «стране Мазурии где-то в Германии» и Пруссии; никакие подробности о мифической для них прародине им неизвестны. Помимо этого в ответах информантов на вопрос, откуда прибыли в Сибирь их предки, упоминается Воынь. Несомненно, путь первых переселенцев из Восточной Пруссии

в Сибирь пролегал через Волынь, однако сколько-нибудь детальных данных об их пребывании там мы не имеем. Лишь некоторую информацию об этом удается извлечь из картотеки Мартиролога Минусинского региона¹: в списках репрессированных в 1930-е гг. жителей Александровки значатся многие родственники нынешних носителей изучаемого говора из Александровки и Знаменки 1870–80-х и более поздних годов рождения (вплоть до 1914) с указанием «уроженец Волынской губ.», записанные как поляки или, чаще, как немцы – даже при явно славянской фамилии. В трех случаях место рождения указано с точностью до населенного пункта:

Габрат Адольф Готлибович, 1885 г.р., немец

Родился в д. Саковка Житомирского уезда Волынской губ. Из крестьян. Работал в колхозе в д. Александровка Краснотуранского р-на КК. Арестован 24.07.1938. Обвинение по ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР. Осужден 23.03.1939 выездной сессией Красноярского крайсуда на 5 лет ИТЛ и 3 года лишения политических прав. Реабилитирован 05.10.1995 прокуратурой КК (П-21785).

Гузик Павел Филиппович, 1893 г.р., немец

Родился в д. Емельевка Волынской губ. Проживал д. Александровка Краснотуранского р-на КК. Из крестьян-середняков, малограмотный. Работал на маслозаводе. Арестован 28.02.1938. Обвинен как член к.-р. националистической организации, вел к.-р. агитацию. Приговорен 23.05.1938 Комиссией НКВД и прокурором СССР к ВМН. Расстрелян 02.08.1938 в Минусинске. Реабилитирован 29.09.1956 СК ВС СССР. (П-5624).

Павельчик Людвиг Карлович, 1889 г.р., немец

Уроженец д. Исаковка Волынской губ., проживал в д. Александровка Абаканского (Краснотуранского) р-на, колхозный шорник. Арестован 8.03.1938. Приговорен 23.05.1938 Комиссией НКВД и Прокурором СССР к ВМН как член к.-р. националистической немецкой организации, вел к.-р. агитацию. Расстрелян в Минусинске 2.08.1938. Реабилитирован ПКК, нп 13-24/89. (П-5624). По делу были осуждены 16 человек, 7 расстреляны.

В Сибирь предки большей части александровских и знаменских мазуров переехали в 1890-х гг. (Leoińczyk 2013). Первоначально в Минусинском уезде Енисейской губернии возникла деревня Кожуховка, впоследствии переименованная в Александровку. В то время население Александровки было польско- и отчасти немецкоязычным, причем носители немецкого языка усваивали польский идиом. В период Второй мировой войны в Александровку были депортированы новые группы переселенцев – поволжские немцы и поляки из Западной Украины; последние позже в основном репатриировались в Польшу. С 1950-х гг. жители Александровки по социально-экономическим причинам начали постепенно перебираться в более зажиточную Знаменку, расположенную в 80 км от Абакана, нынешней столицы Республики Хакасия. Сейчас в Знаменке проживает около 50 носителей польского (мазурского) говора,

¹ Режим доступа: <http://xn--80agomcobmbs.xn----8sbahmlpvellw0ag7lzb.xn--p1ai/?mode=carts>

а в Александровке – 12. Большинство из них составляют люди в возрасте свыше 50 лет. Младшие поколения уже активно не владеют исследуемым идиомом, который используется исключительно в рамках внутрисемейного и межсоседского общения представителей старшего поколения жителей названных населенных пунктов.

2. Фонетические особенности говора

Хотя фонетика изучаемого говора уже была в основном описана в вышеупомянутых работах Э. Ступиньского, целесообразно вновь перечислить важнейшие его фонетические черты, которые проливают свет на его генезис. К ним относятся:

(1) глухой тип сандхи: *u_nas_robži, ĭek_on'i, ĭus_'umerl'i*²;

(2) мазурение: *prose, duzo, cosnek, ĭesce, uĭiz za*;

(3) переход палатальных спирантов *š, ž* в альвеопалатальные *ṣ̌, ẓ̌* (*šadaĭta, želune*) и даже в альвеолярные (*šano, kožoŭ*);

(4) асинхронная реализация мягких губных с выделением шипящих спирантов (*bžaŭy, pšin'ć, gotovžiŭa*), а после *m* – мягкого *n'* (*na žemn'i*) и последующим полным устранением губных *v* и *m* (*žilk'i, kšat, n'eĭsce*);

(5) частичное сохранение шипящего вибранта: *dobře наряду с dobže, tĭma*;

(6) не вполне последовательный переход *y > i* с развитием перед таким новым *i* «полумягких» аллофонов согласных фонем: *b'ĭŭo, p'ital'i, stars'i, ĭr'istus*;

(7) суженные континуанты **ĕ, *ō*: *xlėbek, tės, ĭednygo, bžyk, vrōčil'i še, curka, ruzne, kokosuf* наряду с *kokosōf* – при, как правило, широком континуанте **ā gada, tera*;

(8) суженные континуанты носовых гласных: *skunt, ošem žešunt* наряду с *ošem žešont, n'inso, pan'intam* наряду с *pan'entam*; (9) переход начальных групп *ja-*, *ga-* в *je-*, *ge-* в словах *ĭek* (наряду с *ĭak*), *ĭepko, ĭegn'ak, ĭegli, ĭegody, redŭovać, reno* (и *ryno* с сужением *e* перед *n*).

Лингвогеографический анализ этих особенностей позволяет возвести исследуемый идиом к западной подгруппе мазурских говоров мазовецкого диалекта. Э. Ступиньский, трактуя черту (3) как проявление так наз. «сякания», расширял возможную территорию локализации исходного говора до Вармии (Stupiński 2008: 214). Следует, однако, заметить, что согласные *ṣ̌, ẓ̌* в говоре сибирских мазуров не отражают «сякания» в том смысле, в каком это явление понимается в трудах польских диалектологов. Собственно «сякание» несовместимо с мазурением, при котором альвеолярные шипящие совпадают с зубными свистящими (Dejna 1993: 106). Примеры «сякания» типа *pošŭo, žil'i* (Urbańczyk 1984: 79) в записях из Знаменки и Александровки отсутствуют; вместо этого здесь находим *posŭa, z'il'i* и т. п. Таким образом, «сякания» в данном говоре нет.

По совокупности фонетических признаков в качестве исходной для него с достаточной уверенностью восстанавливается территория между Мронгово, Ольштыном и Щитно, вошедшая в состав польского государства только после 1945 г (Егоров 2013: 109).

² Знаком ' перед гласной здесь и далее обозначается ударение в русизмах, отличное от парокситонического польского (последнее особо не отмечается).

3. Словоизменение существительного

3.1. Классифицирующие категории одушевленности и персональности

Рассмотрение названных двух категорий имени существительного в говоре сибирских мазуров продиктовано тем, что особенно первая из них в результате контакта с русским языковым окружением получила дальнейшее развитие по сравнению с состоянием, какое наблюдается в польских диалектах на коренной территории.

Маркером одушевленности в данном говоре является синкретизм форм вин. п. и род. п. как в единственном, так и во множественном числе. Формы вин. п. мн. ч., совпадающие с формами род. п., представлены здесь у существительных мужского рода не только со значением лица, но и у названий животных: *majo k'izackõf*; *pasya k'izakuf*; *voçal'i gynšakuf*; *tam rasprovažal'i kto psof kto...* У последних, однако, форма вин. п. мн. ч. иногда совпадает с формой им. п. мн. ч.: *a šostra starsa biya / una pasya kun'e / tyx / jak m' i ix naz'ivam'i / k'izak'i / pasya k'izakuf*. Впрочем, в некоторых говорах на территории Польши у существительных мужского рода, обозначающих животных, также отмечается синкретизм форм вин. п. и род. п. мн. ч.: *mãm tšex kotkõf*; *oñi majo dobryx psõf* (Dejna 1993: 232). Особенность исследуемого переселенческого говора заключается в распространении форм вин. п. = род. п. мн. ч. на существительные женского рода: *ja i teras sfoix vnuckuf gan'am*; *tam tšimal'i i krovof pr'enzej [...]* и *kokosof tšimal'i*. При этом случаи совпадения форм вин. п. мн. ч. с формами им. п. мн. ч. у существительных женского рода, обозначающих как лиц, так и животных, встречаются все же чаще, чем у названий животных мужского рода: *pastux paše krov'i*; *žiželi jek on'i krov'i dojo*; *nu davažta beñžem ofce pašć f kouçože / brat byñže ofce pas*. Можно заключить, что в рассматриваемом переселенческом говоре категория одушевленности находится в динамике: «польская персональность», т. е. ограничение синкретизма форм винительного и родительного падежей мн. ч. существительными мужского рода со значением лица, эволюционирует в направлении «русской одушевленности», т. е. синкретизма названных форм у всех существительных со значением живого существа независимо от рода. Сходное развитие данная категория имеет также в других польских говорах, активно контактирующих с восточнославянскими идиомами, а именно в крсовых говорах и в говоре поляков села Вершина в Иркутской области РФ.

В остальном, если не считать последовательного синкретизма форм вин. п. = род. п. мн. ч. у существительными мужского рода со значением лица (и непоследовательного – у названий животных), данный переселенческий говор, как и все говоры северо-востока современной Польши, в том числе и мазурские, демонстрирует отсутствие каких-либо парадигматических и синтагматических способов выражения персональности: *jek polak'i mužil'i*; *rozjeçal'i še jakoš fše te nase co mazur'i*; *dva plem¹an'ika moix / on'i polak'i* (так же, как *dva šostry tam z il'i / on'i pom'erli*).

3.2. Парадигматика существительных

Набор словоизменительных категорий и их граммем, а соответственно и строение парадигмы имени существительного в говоре сибирских мазуров в целом совпадает с общепольским: различаются единственное и множественное число и шесть падежей. Звательная форма в данном говоре отмечается почти исключительно в традиционных текстах (народных песнях и молитвах): *žifko žifko dai mn'e vody; o! ty žanusku levendrov'i / n'e spada! ze mn'e z moje! guov'i; žiňka čebže pan'e bože.*

В приводимых ниже таблицах представлены падежные окончания в субпарадигмах единственного и множественного числа существительных основных типов склонения. В скобках даны фонетические варианты окончаний, через косую черту – морфологические варианты, через две косые черты – окончания, выступающие в разных типах склонения (в том числе твердой и мягкой разновидности). В клетках, разделенных пополам, слева дается окончание неодушевленных, справа – одушевленных существительных. Апостроф перед окончанием обозначает морфонологические чередования в основе.

3.2.1. Единственное число:

	муж. р. на согласную		муж. р. на -а	ср. р.	жен. р.
им. п.	-ø		-а	-o // -e	-a // -ø
род. п.	-а / -u	-а	-i (y)	-а	-i (y)
дат. п.	-ožu / -u		-ožu	-u / -ožu	-'e // -i (y)
вин. п.	=им. п.	=род. п.	-e	=им. п.	-e // -ø
мест. п.	-'e // -u		-'e	-'e // -u	-'e // -i (y)
твор. п.	-em (ëm, im, ym)				-o (ò, u)

Общий принцип распределения окончаний **-а** и **-u** в род. п. ед. ч. неодушевленных существительных мужского рода, по-видимому, совпадает с общепольским. При этом наблюдается некоторая экспансия окончания **-а**, как в случае *fšo z ogroda b' iuo*. С одной стороны, существительное *ogród* с этим окончанием род. п. ед. ч. отмечается в мазурских говорах, например: *do rajsk'ego ogroda* (SGOWM 2006: 127); с другой стороны, оно может поддерживаться также русской формой род. п. ед. ч. огорода. Следует заметить, что в речь диалектоносителей легко проникают русские существительные мужского рода, сохраняя окончание **-а** в форме род. п. ед. ч.: *s šezž'ezont cvartego goda; k'ele d'eckava sada; pšijižau z abakana*.

Окончание дат. п. ед. ч. **-ožu** (*kon'ožu, kotožu, bratožu, proskožu*) возникло в результате контаминация окончания **-ovi** из старого *ŷ-склонения с окончанием **-u** из *ò-склонения и регулярного для данного говора фонетического перехода $v' > vž^3 >$

³ Сочетания губного с шипящим фиксируются в говоре в корневых морфемах (*vžin'i, vžinovajcam, gotovžica*), но не в окончании формы дат. п. ед. ч.

ż. Контаминированное окончание **-ov'u** широко распространено в северных польских говорах (Dejna 1993: карта 55). Форму дат. п. ед. ч. с окончанием **-u** сохраняют отдельные лексемы: *oftymu domu*; *panożu bogu*; *χwaца oјcu i synu duχu šv'entymu* (в молитве). Кроме того, формы дат. п. ед. ч. с окончанием **-u** фиксируются в сочетаниях с предлогом *po*, который в данном говоре может сочетаться не только с местным, но и с дательным падежом *prosek jeźžu po dvoru* 'по двору'. По всей видимости, окончание **-ožu** имеет тенденцию распространяться и на существительные среднего рода. Зафиксированы два примера: *žedrožu* и *co brak temu oknožu* (в ответ на прямой вопрос о форме дат. п. ед. ч. этих слов).

В формах мест. п. ед. ч. существительных мужского и среднего рода твердого типа склонения окончание **-e** вызывает чередования согласных в исходе основы: *po tym šveće*; *po obżeże*; *po leše⁴*; *v buće*; *v maśle*; *v n'ebże*. Аналогичные консонантные чередования происходят в русизмах, что позволяет говорить об их «морфологической адаптации»: *n'i na fronće*; *v g'orože*; *f sofχοže*. Окончание **-u** в мест. п. ед. ч. получают существительные мужского и среднего рода мягкого типа и с основой на заднеязычный согласный: *na kun'u*; *v janvar'u n'ešuncu*; *na rusk'im jinzyku*; *f tym bregu*; *v m'eχu*; *na polu*; *na mlecku*, а кроме того, существительное *dom/dum* и в редких случаях отдельные другие, прежде всего с основой на губной согласный: *v domu/dumu*; *v raz'umu* (но также *v r'azum'e*); *na dževu*; *v d'ectvu*. Окончание форм дат. и мест. п. ед. ч. существительных женского рода твердого типа **-e** также вызывает морфологические чередования в основе, в целом совпадающие с общепольскими. Отличия касаются губных согласных. В изучаемом говоре вследствие асинхронной реализации их мягкости и упрощения групп с губным согласным возникли новые чередования: *b // bź* (*v drug'eј izbże z il'i*), *v // ź* (*uzda na guože*; *dać zryć krože*), *kv // kś* (*vi v moskše kupata*; *v i igo žiželi f cyrkše nasej*).

Существительные мужского рода, имеющие в форме им. п. ед. ч. окончание **-a**, типа *tata*, *Saša*, составляют особую группу. С другими существительными мужского рода их сближают окончания форм дат. и твор. п. ед. ч.: *tatožu b'ičo ošemžešunt ošem*, *m'i z il'i z tamo i s tatym*, *s χиорум тоим s sašym*. В остальных формах ед. ч. эти существительные имеют окончания старого склонения на *а, объединяющие их с существительными женского рода.

В исследуемом говоре отсутствует особый тип склонения существительных среднего рода с бывшей основой на *nt, какие в южных польских говорах (и в литературном языке) обозначают незрелые существа. В данном говоре это значение выражает суффикс **-ak**, образования с которым относятся к мужскому роду: *ćelak*, *kurcak*, *prošak*, *gynšak*. Суффикс **-ak** со значением незрелого существа является одной из ярких словообразовательных примет северных польских диалектов. Также существительное, обозначающее ребенка, имеет суффикс **-uk/-uχ** (*żećuk*, *żećuχ*) и относится к мужскому роду. Впрочем, наряду с ним фиксируется и лексема *żećeko*.

⁴ У лексемы *las* чередование гласного в данной форме может и отсутствовать: *po laše*.

3.2.2. Множественное число:

	муж. р.		жен. р.		ср. р.
им. п.	-i (y) // -e				-a
род. п.	-of (óf, uf)		-of (óf, uf) / -ø		
дат. п.	-am				
вин. п.	=им. п.	=род. п.	=им. п.	=род. п.	=им. п.
мест. п.	-aχ				
твор. п.	-an'i / -am'i / -am'i				

Преобладающим окончанием в формах род. п. мн. ч. существительных всех родов и в равных им формах вин. п. мн. ч. одушевленных существительных мужского и женского рода является окончание **-of (óf, uf)**, исторически восходящее к *ŭ-склонению: *n'i ma kon'uf; pšenić žedruf; pšyńić žecóf; duzo lužof; pšygan'al'i krovuf* и т. д. Можно сказать, что окончание **-of (óf, uf)** вытесняет нулевое: *mašynuf b'uo mačo, š'ica ul'icuf v znam'ence*; при этом, однако, полной утраты нулевого окончания не происходит, ср. *do pšen'cuχ gožin; sapog'i do kolan; pšin'ć gynš* (но также *v domu tšymajo kokosuf / gynšuf*). Экспансивность окончания **-of (óf, uf)** проявляется и в том, что оно легко присоединяется к русским лексемам: *drug'ix d'ir'evn'uf n'e znal'i, utkuf tys tšimal'i, zabžeral'i jek vr'ed'itel'of*. Подобная экспансия этого окончания старого *ŭ-склонения характерна для мазурских говоров (Urbańczyk 1984: 45). Распространение его в русизмах, впрочем, могло быть поддержано аналогичной тенденцией в русских диалектах, ср. *дел'ов, мест'ов, озер'ов, б'абов, св'адьбов, 'ягодов, гвезд'ев, медвед'ев, род'ителев, б'анев, n'еснев* (Касаткин 2013: 137).

Окончание формы дат. п. мн. ч. **-am** (*kon'am; krovam; šv'in'am; gynšam; gynšakam; žedram*) распространено в мазурских говорах и русизмом не является.

В формах твор. п. мн. ч. зафиксированы три варианта окончания: **-am'i** (*ze svoim'i šostram'i bratam'i gadam'i po polsku; nu z žecam'i po svojemu; pšin'e zam'i dobže pućil'i; ze šv'in'am'i; židvam'i ubžeral'i*); **-an'i** (*pot nogan'i; renkan'i n'esal'i*) и **-am'i** (*tego kón'a tam kšatuskam'i go ukrasal'i; ón ujeχač s Polsk'i razem ze svoim'i rožicam'i; m'i bral'i vode žedram'i*). Первый из них является более частотным, а два других отмечаются значительно реже. Вариант **-am'i** восходит к окончанию **-amy**, распространенному в мазовецких (за исключением центральной и восточной части мазурских и курпевских говоров), куявских, хелминско-добжинских и части малопольских диалектов (Urbańczyk 1984: карта 6). Ареал распространения окончания **-an'i** охватывает мазурские (кроме самой западной их части), а также курпевские говоры. Сосуществование в изучаемом говоре окончаний **-am'i** и **-an'i** можно трактовать или как свидетельство происхождения переселенцев из пограничной области, где употреблялись оба эти варианта, или как результат смешения в нем говоров западной и центральной части Мазур. Третий вариант, **-am'i**, по всей вероятности, проник из русского языка.

Некоторые существительные мужского и женского рода отличаются нерегулярным образованием форм именительного и других падежей во множественном числе. У существительного 'рука' в качестве формы им. = вин. п. функционирует форма

старого двойственного числа *rynse: žifko žifko daĭ mn'e vody / co umije rynse nog'i*. Та же основа с заменой *k > c* представлена и в других формах: *z'ili ze sfoiχ ryncuf; krovuf ryncam'i doiua; i tūočil'i na ryncaχ*. Существительное мужского рода *cuožek* в сочетании с числительным имеет форму им. и род. п. мн. ч. от той же основы, а не от супплетивной основы *luž-: fšego tšy cuožek'i; rodn'a duza / ʷot tak ĭes'li še zebrać to cuožekuf pšyn'žešunt*. По всей видимости, эти формы возникли под влиянием русских типа «три человека» (зафиксирована также полностью идентичная русской форма *tu ĭest tylko dva cuožeka*), «пять человек» и т. д. В других случаях формы множественного числа слова *cuožek* образуются от основы *luž-: toto v'eruišē nase fše luže, z aleksandrufk'i ĭus ujeχaĭo duzo lužof*.

4. Глагольное словоизменение

4.1. Классифицирующая категория способа глагольного действия

Из классифицирующих категорий глагола наиболее заметные особенности в говоре сибирских мазуров демонстрирует способ глагольного действия. Прежде всего, по сравнению с польским, как и с русским литературным языком, в этом говоре значительно расширено употребление префикса **po-** с дистрибутивным значением. Обращает внимание частое образование двупрефиксальных глаголов с начальным **po-** (включая глаголы совершенного вида): *zara ĭa tu pov'itše; i tedi te i te puaskunk'i pše.. pošče.. porošćelal'i; šostrā ujeχaĭa f te soube a ĭa še ozen'ĭa i tako o tedy še poroziexal'i; kōn'my san'i na gure vyvloko tud'y / a tedy še ponašadam'i p'euno i vn'is; i kobžetof i χuopof fšex pozabžeral'i; tedy un'i st'ixotvor'en'ije ponaucal'i*. Нередки и трехпрефиксальные глаголы, в том числе с двойным **po-**: *a ot χto n'e muk n'ic robžić // guot / i popoun'eral'i*. Многочисленные дистрибутивные образования с префиксом **po-** зафиксированы и в мазурских говорах на исходной территории, ср. *porožerać, porozdzielać, ponauczać się; i tak tyχ luži pozaberal'i* (SGOWM 2006: 240, 252, 228, 314). Можно предположить, что в Сибири они получили большее распространение вследствие контакта с русскими говорами, где образования с этим префиксом, в том числе от приставочных глаголов совершенного вида, очень частотны; ср. примеры из «Словаря русских народных говоров» (СРНГ): *повыбелить* (1992: 266), *повырастить* (1992: 276), *понавалять* (1995: 240), *понаучить* (1995: 251), *поповыгнать* (1995: 325), *попомучиться* (1995: 334), *поразмягчить* (1996: 41), *пораспахивать* (1996: 45), с тремя префиксами *поразуехаться* (1996: 42) и др.

Более частный случай влияния русского языкового окружения – распространение фазовых глаголов, обозначающих начало действия, с приставкой **na-** (а не **za-**, как в польском языке), построенных по образцу русских *начать(ся)/начинать(ся)*: *ĭak voĭna še naceua ĭo otpražili v g'erm'an'ije; pr'enz'eĭ n'is te vesele še nacinaĭo*. В сочетаниях с инфинитивом фазовый глагол СВ, соотносительный с русским *начать*, конкурирует с неадаптированным русизмом *stać*, ср. *on'i tu ĭus nacel'i zuć, k'edi tak fše nacel'i ujezzać v g'erman'ije* и *fšistka nasa rožina staua ujezzać, k'edi ĭa staua robžić dokum'enty*.

4.2. Парадигматика глагола

В данном разделе будут представлены только финитные формы глагола, которые в изучаемом говоре характеризуются категориями лица, числа, наклонения, времени (в изъявительном наклонении) и ограниченно рода.

4.2.1. В формах презенса мы выделяем два набора окончаний:

	Глаголы с тематическими суффиксами -e-, -i-	Глаголы с тематическим суффиксом -a-
1-е л. ед. ч.	-e	-m
2-е л. ед. ч.		-s
3-е л. ед. ч.		-ø
1-е л. мн. ч.	-m	-m' i
2-е л. мн. ч.		-ta
3-е л. мн. ч.		-o (ó, u)

В форме 1-го л. ед. ч. глаголов с тематическими суффиксами -e-, -i- континуант носового гласного *ǫ̃ в окончании, как и вообще в позиции абсолютного конца слова, никогда не подвергается сужению. Окончание формы 2-го л. ед. ч., отличающееся от общепольского -š, является результатом мазурения, т. е. фонетического процесса, и не может рассматриваться как морфологическая диалектная черта. Окончание -m в форме 1-го л. мн. ч. у глаголов этого типа спряжения распространено в северных и восточных польских говорах, впрочем, выступая здесь наряду с -my (Dejna 1993, 226). В изучаемом переселенческом говоре -m – единственно возможное окончание презентных формы 1-го л. мн. ч. глаголов с тематическими суффиксами -e- и -i-, тогда как окончание -m' i характеризует глаголы с тематическим суффиксом -a-. Окончание формы 2-го л. мн. ч. -ta после утраты двойственного числа закрепились в этой функции на значительной части территории Польши: в мазовецких (в частности, мазурских), северных малопольских и восточных великопольских говорах (Dejna 1993, 225-226, карта 66). Конечный гласный в формах 3-го л. ед. ч. является тематическим суффиксом, а не окончанием. Тематические суффиксы -e-, -i- вызывают в срединных членах парадигмы чередования в основе, набор которых в целом совпадает с общепольским. Нарушается только чередование a//e в формах глагола *jechać* (и производных от него): *un jaže na tym kun'u*, аналогично *tak o še sɣ'il'i i zajaže*; *un dumaɥ co poiaže v g'erm'an'ije*; *van'ka pšijaže* – но *v'i do nas pšiježeta*.

Такой же набор окончаний, как глаголы с тематическим суффиксом -a-, имеют и глаголы, соответствующие литературным польским *jechać* и *wiedzieć*: *co jim'i*; *d'ir'iv'ensk'e luže virošćil'i n'inso ĩindykof kokosof a vi tam ĩita*; *to ĩa n'e žem*; *vot i okna fše robžo / žita ĩak'e*.

Глагол 'быть' имеет дефектную презентную парадигму. У него зафиксированы только формы 3-го л.: ед. и мн. ч. *tam ĩest uavuf n'e šedem a ošem*; *svoje ono ĩest svoje*;

lepse su krov'i i liḡse su krov'i; ruzne jegody su f tajze. Наряду с формой *jest* фиксируется также *je*: *ot tam za kl'adb išem tak'i vaḡ je; u vas tes je tak'e šv'into* и т. д. В беседе с одной из диалектоносительниц отмечены случаи употребления формы *jest* в сочетании с личными местоимениями 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч.: *jesli ja ḡce ḡot ḡoḡeka [...] dumam co ḡon tēs n'e rusk'i [...] ja u n'ego sp'itam še // t'i tēs jest polak? // jo / ja jest polak [...] a ḡot m'i uḡ'e b'ez jest / ili // da-da / m'i jest polak'i // tak samo v'i jest polak'i / ale on'i su polak'i.* В начале этого рассуждения обращает внимание отсутствие связки в сочетании с местоимением 3-го лица: *ḡon tēs n'e rusk'i.* На фоне этого и множества иных примеров отсутствия глагола-связки употребление формы *jest* в приведенных выше фразах представляется несколько искусственным.

«Новые» формы глагола *być*, в которых к основе *jest*– присоединяются окончания, восходящие к старым формам презенса этого же глагола (устроенные по образцу форм прошедшего времени), в изучаемом переселенческом говоре не употребительны. Записан лишь один пример такой формы 2-го л. ед. ч. (с личным показателем *-ś*, присоединенным не к основе *jest-*, а к предшествующему относительному местоимению) в тексте молитвы «Отче наш», воспроизводимом по памяти: *oḡce nas kturyś jest v n'ebże.* При этом в мазурских говорах на исходной территории фиксировались формы от основы *jest-* с лично-числовыми окончаниями, в том числе энклитически присоединяемыми к другим словам. Утрата этих форм в описываемом говоре, возможно, связана с действующей в нем тенденцией к опущению связки: *un'i znaḡo co m'i mazur'i; un muḡi co rusk'i; u mn'e jesce jedyn je / no oftyn maḡ'i.* Эллипсис связки наблюдается и в говорах на исконной территории: *my stare to jenzek ten ne nadaje še do uḡby* (SGOWM 2006: 151), *ḡoc my Nēnce, onī Polske, ḡoc my evaḡel'iki, a vy kätol'iki, ale my ot jenego Boga* (SGOWM 2002: 206).

4.2.2. Среди форм будущего времени глаголов несовершенного вида в количественном отношении в корпусе обработанных текстов преобладают формы, образуемые с помощью инфинитива: *v'i i tak dobḡe byn'zeta z'ić; v'i ben'zeta patśić* и т. д. Отмечаются лишь единичные примеры форм будущего времени с I-причастием: *šeḡau tak k'ele blatu [...] i muḡi / ja bynde žēn i noc robḡuu tilko v'iprovaćta mn'e v luḡe; tśi raz i bynzes doiu; brat byn'ze ofce pas; ja n'e puide do škouy / ja lepše bude ofce pas.* В последнем примере обращает на себя внимание гибридный характер формы вспомогательного глагола *bude* с русской огласовкой корня и польским окончанием.

4.2.3. Формы прошедшего времени и условного наклонения в исследуемом говоре содержат I-причастия⁵ и личные местоимения или глагольные лично-числовые показатели (кроме случаев употребления форм 3-го л. ед. или мн. ч. при подлежащем, выраженном существительным⁶, и отдельных других случаев, которые будут рассмотрены ниже); показателем условного наклонения является, кроме того, формант *b i/b*. Преобладает образование этих форм без глагольного лично-числового показателя, но с личными местоимениями, которые и являются здесь аналитическими маркерами

⁵ Отметим одну особенность образования I-причастия глаголов с тематическим суффиксом *-i-*: в позиции перед конечным *-u-* в формах ед. ч. мужского рода *i* переходит в *u*. Это чередование происходит не вполне последовательно, ср. *jak še roḡiḡ pan iezus*, но *u mn'e brat še roḡiḡ*.

⁶ В употребляемой таким образом глагольной форме маркер 3-го лица – нулевой, а на число указывает окончание I-причастия.

лица и числа; ср.: *to ia ijesce maluška biua; ʋot my igo sud'a vžyl'i; a v'i gazete citali gže pše vas napšysano?; un muži nu a ty b'i χčau do polši pojeχač; iegb'i ona n'e b'iuu kobžeta / to ia b'i tys tak mužuu*. Личное местоимение может эллиптически опускаться: *kagda ia iχ iek zamuš oddavaua / to fšem natkaua / te polov'ik'i natkaua; k'edyš m'i to z'ili ze sfoiχ r'incuf [...] ia c'ěnsto iim požeduje ieg z'ili [...] kun'e tšimal'i / mn'eli sobže močot'ilk'e kos'ilk'e i fšo vručnuju robžili / i šano košili / i χlip ubžeral'i i fšo fšo fšo / i muočili na r'incax / cepam'i muočili*.

Параллельно фиксируются формы с личными показателями, агглютинативно присоединяющимися к глагольным и неглагольным основам:

	ед. ч.	мн. ч.
1-е л.	-(e)m	-m
2-е л.	-(e)š	-šta
3-е л.	-ø	

Примеры форм 1-го лица прошедшего времени: ед. ч. *n'e moguam pojeχač*; мн. ч. *i v'iš'im zamuš za rusk'iχ*; условного наклонения: *iak b'im še sus'i n'e boiaua / to b'i f tym dole n'e stojaua* и т. п.

Так как названные показатели могут агглютинироваться не только к 1-причастию или, в условном наклонении, к форманту *b'i*, но и к другим словам в предложении, едва ли можно считать такие формы синтетическими; ср.: *a t'i tu vineuaš tu tu..; nu rask'azyvaj [...] v Aleks'androfce coš robžu, iakeš latau po gurax; cob v'išta v'i dobre b'ili / pšiš'išta na te vesele*, вариант: *cob i v'išta tak'e dobre b'ili / na vesele pšib'ili*. В последнем примере наблюдается избыточность средств выражения лица и числа: показатель 2-го л. мн. ч. как энклитика присоединяется к местоимению 2-го л. мн. ч. *v'i* (тогда как усеченный или полный формант условного наклонения *b'i* без личностно-числового показателя входит в состав союза цели), а в первом из вариантов этот показатель повторяется и при 1-причастии следующего глагола, причем местоимение и формант условного наклонения опускаются. Впрочем, эта же строчка из так называемого «спруссека»⁷ записана и с глагольными формами без каких-либо личностно-числовых показателей (в том числе без личного местоимения): *ceb'i tak'e dobre b'ili / do nas jutro na vesele pšib'ili*.

В анализируемом говоре формы с неместоименным выражением лица и числа, включающие 1-причастие, более частотны в фольклорных текстах. В обычной речи они спорадически фиксируются у отдельных информантов: *iesce ieden garnusek nas-krabauam; žučiuam te iχ fšistk'e naucen'a, padgan'alim te ofce; štiri lata paš'im te ofce; n'e z n'eba upadlišta; u kogo b'ilišta*. Неместоименные показатели лица и числа могут восприниматься носителями говора как альтернативный местоимению способ выражения этих категорий. Так, одна из информанток на вопрос о форме 2-го лица мн.ч. глагола *χožić* ответила: *ʋot m'i b'i mužili // v'i χožili?*, а на уточняющий вопрос „А ješli bez wy? – *χožilišta*.

⁷ Стихотворение, которым зывала (prosek) приглашал гостей на свадьбу.

По всей видимости, формы с неместоименными показателями лица и числа в данном говоре выходят из употребления. Аналогичный процесс в формах прошедшего времени и условного наклонения отмечается и в других польских говорах, контактирующих с восточнославянскими идиомами: ср. ситуацию в кресовых говорах (Rieger 2012: 586–587) и в островном говоре села Вершина (Ананьева 2013: 208). Переход к выражению лица и числа с помощью личных местоимений в результате аналогичного контакта имел место и в мазурских говорах на их исконной территории, ср. *kedi ja buu mali żećak, ja še śnał i pože zał nasi grósce; mibi ribòf ni ñeli; gže mi ućekałi?*; *mi xćeli do Kotła* (Nitsch 1968: 292, 293, 300, 301).

4.2.4. В повелительном наклонении существуют синтетические формы 2-го л. ед. и мн. ч. и аналитические формы 1-го л. мн. ч. типа *davajta še pomodl'im po nasymu; davajta o tu pošežim; nu davajta bežem ofce paść f kouçože*, несомненно, возникшие под влиянием русского языка. Старые синтетические формы 1-го л. мн. ч. сохраняются только в традиционных текстах, ср. в рождественском песнопении: *naroziu še xrystus pan veselm i še*. Периферийны старые синтетические формы 3-го л. ед. ч., омонимичные формам 2-го л., которые встретились в молитве «Отче наш»: *šf'en'ć še inm'e tvoje / p'rić pan'e krulefstvo tvoje / bon'za tvoja šv'enta vola* (искаженная информанткой форма *bon'za* свидетельствует о ее непонимании).

В структурном отношении формы 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения обнаруживают черты агглютинации: показатель множественного числа *-ta* просто присоединяется к форме единственного числа, имеющей нулевое окончание, ср. *rup – rupta, ja bynde žén i noc robžuć tilko v'iprovaćta mn'e v luže* и т. п. Окончание мн. ч. *-ta* используется также в формах pluralis maestaticus: *mama / v'i tak bliža še ušun'ćta, pše kal'os roskasta ĩm*.

5. Выводы

Как фонетика исследуемого говора, возводящегося к западной подгруппе мазурских говоров мазовецкого диалекта, так и словоизменение существительного и глагола в нем, рассматриваемое в плане выражения, остаются в целом вполне устойчивыми звеньями его системы. При этом в островной ситуации в данном переселенческом говоре получили дальнейшее развитие особенно те тенденции, в основном присущие ему и ранее, которые поддерживались русским языковым окружением. В словоизменении существительных речь идет прежде всего о полном разрушении категории персональности и последующем развитии категории одушевленности «русского типа», в системе глагола – о развитии местоименного выражения категории лица в формах прошедшего времени и условного наклонения. К более частным тенденциям, нашедшим поддержку в русских диалектах Сибири, относится, например, закрепление флексии *-of/-òf/-uf* в формах род. п. мн. ч. существительных всех родов и типов склонения, а также распространение глаголов дистрибутивного способа действия с приставкой *po-*. Несомненными русизмами следует считать, например, аналитические формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения или переход к управлению предлога *po* дательным падежом. Описанные выше процессы свидетельствуют о действующей в данном говоре общей тенденции

к выравниванию асимметрии между диалектной польской и русской грамматическими системами по русскому образцу.

6. Тексты

Jutrznia

m'i po polsku sobr'an'ija robzil'i / iut'n'a še naz'ivaŋa / u nas iut'n'e robzil'i / ja starsym an'oŋem b'ia / mama mn'e tak ŋadn'e obuŋe / i lenty mn'e p'rižunze i ja kamratk'i / žeci kamratk'i dva rundy tak provožiŋa iŋ / i v nov'i got / tedy un'i st'ixotvor'en'ije ponaucaŋi / kazda matka nauc'ia svojego žecuka / i tedy un'i st'ixotvor'en'ije / a ja za n'ix prose za svoje kamratk'i co za dv'eřam'i stojo cob'i un'i p'ri tim řen'ze stal'i / p'ri tim stole vžencn'e řvaŋe bogu dal'i / ŋot tedy ja iŋ p'řeprovaže i un'i st'ixotvor'en'ije požežo i tedy v'ijido i pujo / n'o a tu pesnop'en'ije / spševal'i / otm'ecaŋi / jo / boga / a ř'est'ianska vera bap'tistof odd'eľno byl'i / a pužn'ej tedi rozjeřal'i še jekořto řše ŋot te nase co mazur'i / te po polsku co m'i.. / řto kud'a řto pomer řto še rozjeřal'i

Wielkanoc

Jakie u was były święta?

řv'enta // no tak jek řše / nov'i got / ŋot tr'oica / ot jek ř'ist'a rosp'jal'i / jek na eta tr'oica / potom jek / to co jaika..

Wielkanoc?

jaika kraso / jek ona še naz'iva / paska jo / toto řše řv'enta

A co na Paskę robiliście?

jaika krařil'i / jaika kras'il'i i eta / a co i za vodo ja pan'intam m'i za vodo f kluc řožil'i / taka řf'enta voda b'ia / p'řin'eřem s kluca vodi i k'edi jo postařim ona caŋy rok stoi i řiřeuřna taka / ŋot to řv'enta voda b'ia / to ja pan'entam / ja řiŋa raz i puje tu f kluc / ta r'ečka / na pask'e i te / pomodle ře i tamoj na.. k'ele vody i p'řin'ose tej vody / obleje řše řaz'ařtfo / pobr'izgam řše řoz'ařstvo / i řv'in'of i krovuf i g'eňřuf / řřeř pobr'izgam i jim poředam co řiř prazn'ik / ŋot tak robzil'i

A te jajka czym krasiliście?

a nu kraska taka / a ot tera to.. / a k'ediř to m'i.. krask'i takej tej n'e b'io / ŋuk tyn tyn ŋot te ŋupřiny / jo / od luka krařil'i / a tera to verno krask'i řřak'e ře p'ředajo / tera i rozova i zořta i řřaka / ja řcunk ŋod byo jek na pask'e tedy / ja nakrase nakrase i cuk'erkof nakupam i i'ablokof i řřo i caŋi taleř i tedy zan'ose na sobran'ije i postaře na stuŋ / nu tam n'ixt n'e p'řinoři a ja řcunk ŋot taj p'řiv'ikŋa co ja nu.. po luteransku m'i tak robzil'i i ja řcunk p'řin'ose postaře / no un'y / ja se n'e ostavaŋa na obřat / uny tam obřat jek robžo to tedi moj taleř postažo tam a p'řijado gořće to uny ŋgoscajo / tedy iŋ řaijo / jo / ŋot tak / jo jo jo boga brak proslavl'ať brak.. un ře za nas kref p'řelaŋ g'eňř'ikof řřeř

Берта Криспин, 1932 г.р.

Записано в д. Александровка 20.07.2013

Собиратели: Беднаржова Б., Петров И.

Zdejmowanie wianka

no / źiżis / ja tedy b'ija esce maluška / to ja na veselaχ n'i b'ija / t'ilko tak co na ulicy jek ony šli jo / co fćunk tam / tam vesele pšexožili v domu / a pužn'i pře.. před žecorem idu tam f kłup / a tutaj znof coby φ par'adak pšiprovažili fšo / jo / uot a tam šija on'i pobėndu / tedy pšixožu nazat / i fs'o to ... / nu i a pužn'i stimaju jek žanek spšivaju o ty žanusku levendrov'i

n'e spadaĭ ze mn'e z mojej guov'i

n'e spadaĭ ze mn'e z mojej guov'i

no i tak dałše

– *A jak dalej?*

ĭusem še žiřše rozm'išlija

ĭusem še žiřše rozm'išlija

opuścija oĭca matk'e

opuścija oĭca matk'e

to ja esce maluška b'ija / to s(u)uχaĭi jo / jek te starše / jek starše ĭuš tam / a ĭuš m'i podglundaĭi i s(u)uχaĭi

– *A kto śpiewał tę pieśnię?*

a to ĭus tam te / co tam f sobra'n'ija / tam pačt'li fšistk'e / kto stimaju žanek / jo / tam f krunžek / i uot kto stimaju žanek jo / a ona b'eći / iže pučače / jo / a tutaj ĭuš spševaju / a pšėšn'a taka / nu jek požežić / nu gr'usnaja bu.. b'ėn'žem požežić / jo / co gr'usnaja / i uny spševaju / a una kan'ešna ĭuz b'eći co ostaža oĭca i matk'e

– *A kto zdejmował ten wianek?*

a to ĭus tam / sp'icalne luže / n'e χto popaduo / a tam bl'iska n'ev'esty rodn'a [...] bl'iska rodn'a z n'iv'esty / uot una i stymaju žanek

Нина Августовна Мачулина, 1939 г.р.

Записано в с. Знаменка 18.07.2013

Собиратель: Татаренко А.

Библиография

- Ананьева Н.Е., 2013, *Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области*, „Исследования по славянской диалектологии” 16, ред. Л.Э. Калнынь, Москва, с. 203–210.
- Dejna K., 1993, *Dialekty polskie*, Wrocław – Warszawa – Kraków.
- Егоров И.М., 2013, *Фонетические особенности польского переселенческого говора в Республике Хакасия и Красноярском крае*, „Полевые исследования студентов РГГУ” VIII, Москва, с. 98–109.
- Касагкин Л.Л., 2013, *Русская диалектология*, Москва.
- Leończyk S., 2013, *Mazurskie wioski na południu Syberii. 120 lat osadnictwa*, „Rodacy. Pismo syberyjskie Kongresu Polaków w Rosji” 2 (60), s. 22–25.
- Nitsch K., 1968, *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Warszawa.
- Попова Е.А., 2013, *Особенности морфологии глагола в говоре сел Знаменка (Богградский район, республика Хакасия) и Александровка (Красноуранский район, Красноярский край)*, в: *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии. Материалы международной конференции 26–28 января 2013 года*, Москва, с. 298–299.

- Rieger J., 2012, *Język polski na wschodzie*, w: *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin.
- Skorwid S., 2015, *Gramatyczne germanizmy rdzennych dialektów zachodniosłowiańskich w gwarach przesiedleńczych na terenie Rosji*, „Gwary dziś” 7, s. 177–190.
- SGOWM – *Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur*. T. I: A–Ć Wrocław 1987, t. II: D–G 1991, t. III: H–K, red. Z. Stamirowska, H. Perzowa, Warszawa 1993, t. IV: L–N, t. V: O–Ó, red. D. Kołodziejczykowa, H. Perzowa, 2002, 2006, t. VI: PA–PÓ, red. D. Kołodziejczykowa, K. Sobolewska, Warszawa – Kraków 2014.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Вып. 27: Печечки – Поделывать, вып. 29: Покорочеть – Попритчиться, вып. 30: Поприугомонить – Почестно, ред. Ф.П. Скоролетов, Санкт-Петербург 1992, 1995, 1996.
- Stupiński E., 2008, *Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska*, „Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego” LIII, Łódź, s. 207–218.
- Stupiński E., 2009, *Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska*, „Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego” LIV, Łódź, s. 197–204.
- Urbańczyk S., 1984, *Zarys dialektologii polskiej*, Wyd. 7, Warszawa.

ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ ЕГОРОВ

Polish Immigrant Dialect in the Republic of Khakassia and in Krasnoyarsk Krai of the Russian Federation

Summary

The article deals with the essential aspects of the phonetic and, primarily, grammatical system of the Polish immigrant dialect spoken in two villages in Western Siberia: Znamenka (Bogradsky District of the Republic of Khakassia) and Alexandrovka (Krasnoturansky District of Krasnoyarsk Krai). The dialect appeared in the Yeniseysk Governorate of the Russian Empire at the end of 1890s as a result of Polish rural migration from Volhynia to Siberia. Before that, the ancestors of those settlers had moved to Volhynia from Masuria.

The examined dialect shows relatively good preservation of its original system. At the same time, it has been strongly influenced by Russian, as the dominant language of its surroundings. The main effect of this intensive contact is the further development of trends that had taken place in the original dialect system, which have been supported by the Russian language.

Keywords: Polish immigrant dialect in Siberia, Masurian dialect, dialectal systems, language contact

